

О. Б. БУБЕНОК

ТЕРМИН *STRAVA* В «ГЕТИКЕ» ИОРДАНА (К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ И ПРОИСХОЖДЕНИИ СЛОВА)

Уже довольно длительное время среди исследователей латиноязычного сочинения Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (*Getica*) вызывает большой интерес пассаж, содержащийся в описании похорон гуннского вождя Аттилы. Так, Иордан сообщает, что гуннские воины, узнав о смерти своего правителя, в соответствии со своими обычаями, начали отрезать часть своих волос и надрезать себе лицо. После этого тело Аттилы перевезли в степь и поместили в специальный шатер. Лучшие всадники гуннов на лошадях объезжали кругом то место, где был покойник. Наконец, после громких причитаний Аттила был похоронен в кургане, на котором гунны, по словам Иордана, устроили *stravam*, что имело непосредственное отношение к пиршеству в честь покойного. Аттила был похоронен в трех гробах – в золотом, серебряном и железном. Вместе с ним в могилу положили его воинские трофеи и драгоценности. С целью, чтобы предотвратить ограбление могилы, могильщики были убиты [1, с. 117, 172].

Наибольшие споры у исследователей вызвал следующий отрывок из сочинения Иордана: «*postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum eius quam appellant ipsi ingenti commessatione concelebrant*» [1, с. 172]. Обычно русскоязычная аудитория ссылается на перевод данного фрагмента, выполненный несколько десятилетий назад Е.Ч. Скржинской: «После того, как он был оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане “страву” (так называют это они сами), сопровождая ее громадным пиршеством» [1, с. 117]. Именно неопределенные данные об употреблении слова *strava* уже давно породили массу литературы, где исследователи пытались объяснить происхождение и семантику этого слова. Исследователи в большинстве своем сошлись на том, что термин *strava* представляет собой заимствование в гуннском языке. Однако в данном случае сложилась довольно интересная ситуация, в соответствии с которой славянские исследователи видели в

данном термине заимствование, которое, по их мнению, могло попасть к гуннам в результате контактов со славянами, а немецкие ученые увидели в слове **strava** заимствование из языка готов, исходя из того, что Иордан имел готские корни и готы довольно длительное время находились в сфере влияния гуннов. Существуют и другие гипотезы. Тем не менее, до сих пор ни одна из предложенных гипотез не нашла должного подтверждения. Поэтому, помимо этих двух основных подходов, особый интерес могут представлять и другие гипотезы.

Прежде всего, необходимо акцентировать внимание на том, почему славянская или германская (готская) этимологии не являются убедительными. На сегодняшний день готская гипотеза происхождения термина **strava** уже не пользуется особой популярностью. Одним из первых ее выдвинул Яков Гримм, по мнению которого упоминаемый Иорданом термин мог происходить от готского слова **straujan** – «простирать». Таким образом, немецкий ученый предположил, что слово **strava** должно было означать погребальный костер, т.е. ложе, на котором должны были простирать умершего для сожжения [2, s. 171-235]. В конце XIX в. Т. Момзен в «Лексическом и грамматическом индексе» к изданию «Гетики» Иордана также склонялся к тому, что слово **strava** (*straba*) имело готское происхождение и означало погребальный костер. Если следовать рассуждениям Т. Момзена, то получается, что в Паннонии сначала гунны, а потом и славяне могли воспринять от готов термин **strava** [3, s. 198]. В XX в. некоторые немецкие ученые также продолжали придерживаться мнения о готском происхождении указанного термина. Так, Э. Шварц считал, что **strava** происходит от термина **sútrava**, которому соответствует значение Gerüst – «леса, подпорки, костер» [4, s. 225]. У С. Файста **strava** выводится от древнегерманского **stro**, gen. **strawe**, древнеисландского **strā**, англосаксонского **streaw** – «солома» и соответственно переводится как «куча оружия для победного костра» [5, s. 103].

Однако этимологические изыскания немецких ученых в пользу готского происхождения слова уже изначально вызвали резкое несогласие со стороны славянских ученых. Так, еще в первой половине XIX в. П. Шафарик считал слово **strava**, которое упоминается в сочинении Иордана, славянским. Этот пример дал основания ему говорить о славянском присутствии в гуннском объединении [6, с. 256-257]. Наибольшее же обоснование получила славянская гипотеза в работе А.А. Котляревского «О погребальных обычаях языческих славян», которая увидела свет еще в 1868 году. В ней исследователь выразился по этому поводу следующим образом: «...нам представляются причины сомневаться и в исключительно готском происхождении слова, и в исключительно таком его знаменовании: как Гот, Иордан, кажется, должен был бы выразиться о родном термине определеннее, чем глухими словами: "quam appellat ipsi", т.е. Гунны; для него оно, видно, было незнакомо; сверх этого,

Аттила скончался не в бою с врагами, тело его не предавалось сожжению, страва праздновалась “super tumulum ejus” и притом – “ingenti comessatione”, т.е. торжественным, обрядовым пиром, и потому не могла обозначать погребального костра, “exuviarum hostilium molem”; стало быть, позволительно искать иных варваров, которым принадлежало это слово и иного, более широкого его значения» [7, с. 39]. Этим народом, по мнению А.А. Котляревского, могли быть славяне, «которые и до ныне пользуются этим термином для обозначения: пищи, кушанья, запаса яств, составляющих обед, в таком значении употребляется оно теперь в наречиях: польском, чешском, словацком, мало- и великорусском» [7, с. 39]. При этом исследователь обратил внимание на то, что данное слово можно проследить «в памятниках старой чешской письменности и именно со значением погребальных поминок, пира по смерти» [7, с. 39]. Предложенная А.А. Котляревским этимология термина **страва** отличается оригинальностью: «оно сложное – с-т-р-в-а, тема, очевидно, идет от славянского корня *троу*, который даст происхождение глаголу *троути*, *натроути*, *натровити*... Но собственный смысл был издревле: кормить, питать...» [7, с. 39-40]. Обстоятельства заимствования термина гуннами от славян А.А. Котляревский объяснил следующим образом: «Славяне, наряду с другими племенами, могли и должны были войти в дружину Гуннов» [7, с. 38].

Необходимо отметить, что данная гипотеза в дальнейшем нашла широкую поддержку именно среди славянских исследователей, что также noteworthy. Так, переводчик на русский язык сочинения Иордана «Гетика» Е.Ч. Скржинская не сомневалась в славянском происхождении термина **страва** и соответственно в своих комментариях отметила: «Страва – пища, еда, кушанье, яство, блюдо, похлебка, варево (см.: Даль, *Толковый словарь*). В данном случае Иордан под “стравой” подразумевал “тризну”, поминальный пир, поминовение усопшего пиршеством, песнопениями, конскими ристаниями. Собственно сам Иордан объясняет значение слова *strava* употребленным им в этой же фразе словом *commessatio*. Гунны либо переняли у славян обычай погребальных пиров, которые называли “стравами”, либо – что вероятнее – переняли только славянское название подобного обряда. Напрашивается предположение, что уже в первой половине V в. славяне были насельниками тех областей по Дунаю, куда пришли гунны...» [8, с. 327, ком. 629].

Гипотеза о заимствовании гуннами от славян термина **страва** стала особенно популярной среди исследователей из бывшего Советского Союза и получила широкое распространение благодаря научно-популярной литературе, а в настоящее время – также благодаря Интернету. Так, В.П. Кобычев в своей книге «В поисках прародины славян» происхождение термина объяснил следующим образом: «страва (*strava*) – “поминальный пир”, устроенный, по сообщению Иордана, на могиле Аттилы, слово, которое в том же значении “поминки” и поныне встречается в ряде диалектов польского, чешского,

словацкого, украинского и русского языков» [9]. Нельзя обойти вниманием также оригинальную гипотезу современного канадского ученого Г. Сотирова, который также относится к числу приверженцев славянских корней термина **strava** в сочинении Иордана. Исследователь считает: «...Скорее всего, это слово не было монгольским (гуннским). Если бы оно было таковым, начальное "s" было бы аспиративным, и слово звучало бы как *istrava*, как в современном турецком или венгерском, где, например, имя Стефан превращается в *Istevan* и *Ishtvan* соответственно. Правда, для этого странного слова есть еще одно объяснение. В Югославии праздник церковного святого зовется *slava*. Вполне возможно, что это слово восходит к термину, которым были названы поминальные игры в честь Аттилы. Из-за того, что грекам было трудно произносить сочетание согласных "sl", обычно они произносили и писали его как "sth". Поэтому не исключено, что в оригинальном греческом тексте Приска славянское слово *slava* превратилось в "*sthlava*". Иордан, который, как мы знаем, писал на латыни, в значительной мере пользовался книгой Приска. При этом у него мог возникнуть соблазн латинизировать "*sthlava*" в "*strava*". Есть целый ряд пар слов, где можно наблюдать такой славянско-латинский параллелизм: *slama* – *stramen*, *slab* – *strabo*, *služa* – *struo*, то есть «солома», «слабый» и «служить» соответственно» [10].

В последнее время идея славянского происхождения термина **strava** в «Гетике» Иордана активно отстаивается Л.А. Гиндиным. Исследователь сравнил описание Иордана с описанием тризны по Игорю в «Повести временных лет» и пришел к выводу: «...*strava* Иордана, которая совершается при помощи *ingenti commessatione*, не может соответствовать тризне ПВЛ не по содержанию, не по композиции, полностью адекватна только поминальному пиру с большим количеством напитков...» [11, с. 30-33]. Эта же идея была развита в статье Л.А. Гиндина и Ф.В. Шелова-Коведяева «*Strava*», которая была опубликована в 1994 году в первом томе «Свода древнейших письменных известий о славянах» [12, с. 161-169]. Подход этих исследователей к решению данного вопроса отличается нестандартностью. Об этом может свидетельствовать уже сам перевод интересующего нас фрагмента текста Иордана, отличный от варианта Е.Ч. Скржинской. Так, выражение «*postquam talibus lamentis est defletus, stravam super tumulum eius quam appellant ipsi ingenti commessatione concelebrant*» они переводят следующим образом: «После того, как он был оплакан такими рыданиями, они устраивают наверху его кургана пиршество, которое они сами называют страва...» [12, с. 161]. Относительно происхождения термина «страва» исследователи категоричны: «Нельзя специально не отметить того, что апеллатив страва в значении "погребальное пиршество, поминки" имеет точные формальные и семантические параллели лишь на славянском материале – оно засвидетельствовано в западнославянских языках. Варшавский словарь (*Karłowicz et al. Słownik*, VI, 447 и сл.) вторым значением

дает “погребальный пир, поминки” с замечанием “погребальный пир был у славян повсеместно”. У чеш. *strava* наряду с “пища вообще и пр.” засвидетельствовано значение “погребальный пир (*Jungmann. Slovník*, 332)”, а также – “языческий погребальный пир” (*Kort. Slovník*, 789). Важные сведения содержатся в словаре Голуба и Копечного (*Holub, Kopečný. Etymologický slovník*, 392 и сл.): “с этим (sc. *tryzna*), очевидно, находится в связи и смежное др.-слав. *strava* (с питьем – ст.-чеш. *kvás*) – “погребальный пир” в древнем народном обычае траурного угощения, соединенного с танцевальными увеселениями (при смерти холостого парня, девки)”. Все это на фоне повсеместно засвидетельствованного во всех западнославянских языках обыденного обобщенного значения слова *strava* “пища”; также в восточнославянских языках – карпатских говорах украинского, белорусских и русских диалектах...» [12, с. 164-165].

Однако и у славянской гипотезы имеются определенные недостатки. Так, Т. Момзен исключил возможность славянского происхождения слова «страва» в сочинении Иордана на том основании, что на Среднем Дунае в V в., по его мнению, славян еще не могло быть [3, с. 198]. В результате этого появились и другие гипотезы. Так, В.Н. Топоров считал, что термин *strava* в значении «тризна» готы могли заимствовать у славян, т. е. данный подход представлял собой компромисс между готской и славянской гипотезами, объясняющими появление термина у гуннов [13]. Тем не менее, нельзя исключать возможность более ранних славяно-гуннских контактов. Основанием для этого являются сведения самого Иордана об антах, в которых многие исследователи склонны видеть славян.

Иордан был первым и практически единственным историком, который упоминал антов при описании событий второй половины IV – начала V вв. По его данным, после смерти короля готов Германариха готы разделились на везеготов (западных готов) и остроготов (восточных готов). При этом последние, возглавляемые Амалом Винитарием, остались в Северном Причерноморье и вынуждены были подчиниться гуннам. Тем не менее, Винитарий не смог смириться с этим порабощением и потому выступил против союзников гуннов – антов: «Понемногу освобождаясь из под их (гуннов – О.Б.) власти и пробуя проявить свою силу, он (Винитарий – О.Б.) двинул войско в пределы антов и, когда вступил туда, в первом сражении был побежден, но в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божа с сыновьями его и с семидесятью старейшинами для устрашения». Спустя некоторое время вождь гуннов Баламбер отомстил за это остроготам и победил Винитария возле реки **Ерак** [1, с. 115]. По мнению Е.Ч. Скржинской, река **Ерак** – это Нижний Днепр, так как аналогичные названия относительно Днепра приобрели распространение во времена средневековья, а в современном осетинском языке термин *væræx* имеет значение «широкий» (если исходить из наличия остатков ираноязычного населения в Северном Причерноморье во времена

поздней античности) [8, с. 323-324]. Однако до сих пор так и не доказано, что анты IV в. представляли собой именно славян, а не другую этническую общность.

Следует учитывать то, что термин *страва* представлял собой часть погребальных традиций гуннов, на формировании новых черт которых должны были отразиться длительные контакты. И хотя анты Северного Причерноморья несколько десятилетий и были зависимыми от гуннов, они просто не смогли бы в данной ситуации оказать такое значительное влияние на погребальный обряд гуннов, в результате которого гунны стали бы обозначать славянским словом часть своей погребальной церемонии, которая, как известно, отличается особым консерватизмом. Следовательно, истоки погребальных традиций гуннов и связанной с этим терминологии уходят в более давние времена.

Против сторонников славянской и готской гипотез есть один весомый аргумент лингвистического характера – гунны, которых по языку относят к тюркам, просто не могли произносить название части свой погребальной церемонии как *strava*. Это не характерно для тюркских языков. Как уже отметили исследователи, Иордан пользовался греческим текстом несохранившегося описания похорон Аттилы, автором которого считается Приск. Следовательно, Иордан соотнес искаженный термин из языка гуннов с более знакомым ему словом. Обычно латинские словари дают следующее объяснение термина *strava* (*straba*): «куча трофейного оружия» [14, с. 957]. Однако существует мнение, что это слово попало в словарь латинского языка именно благодаря сочинению Иордана. Хотя не исключена возможность и того, что оно представляло в латинском языке такое же заимствование, как и в языке гуннов. Тем не менее, имеющиеся данные позволяют представить дословный перевод интересующего нас текста сочинения Иордана в следующем виде: «...после всех этих рыданий они устраивают на его кургане *stravam* – так они сами называют громадное пиршество в честь усопшего»¹.

Следовательно, ни готская, ни славянская гипотезы не могут объяснить того, когда и как термин *страва* мог появиться у гуннов. В связи с этим особого внимания заслуживает гипотеза В. Арнима, в соответствии с которой данное слово имеет гуннское происхождение, т.е. гунны были с ним хорошо знакомы задолго до миграции в Европу. Доказательством этого, по мнению исследователя, является то, что в некоторых тюркских языках сохранились слова с подобной основой, но в значении «погребать труп» [15, с. 100 и сл.]. В данной ситуации вызывает определенный интерес комментарий Л.А. Гиндина и Ф.В. Шелова-Коведяева: «Но если считать это значение, то не будет удивительным сохранение его в качестве заимствования в периферийном для тюркских языков ареале – славянском» [12, с. 167]. Однако ни в современных тюркских языках, ни в раннесредневековых языках тюрков [16] слова, близкие

¹ Выражаю благодарность А.А. Хамраю за предоставленную информацию.

по форме и семантике термину **strava**, не имеют распространения. Следовательно, интересующий нас термин имеет неалтайское происхождение, т.е. он мог попасть к гуннам в результате контактов с неродственными им народами.

Поэтому имеет смысл определить, как соотносятся гуннский термин **strava** и славянская **страва** в семантической плоскости. В связи с этим большое значение может иметь сравнительный анализ погребальных обычаев гуннов и родственных им народов. Как отметили Л.А. Гиндин и Ф.В. Шелов-Коведяев при анализе обряда погребения Аттилы, «захоронение вместе со знатным покойным оружия, конской сбруи (иногда вместе с конями), многочисленной драгоценной утвари и украшений чрезвычайно характерно для всех кочевников – достаточно вспомнить инвентарь богатых скифских курганов (ср. описание погребения скифского царя в Hdt. IV.71.4)» [12, с. 168].

Описание погребения Аттилы, оставленное Иорданом, позволило выявить следующие черты погребального обряда гуннов:

- 1) оплакивание умершего, которое сопровождалось самоистязанием соплеменников умершего («...следуя обычаю того племени, они отрезают себе часть волос и обезображивают уродливые лица свои глубокими ранами, чтобы превосходный воин был оплакан не воплями и слезами женщин, но кровью мужей»);
- 2) прощание с умершим («...среди степей в шелковом шатре поместили труп его... отборнейшие всадники всего гуннского племени объезжали кругом, наподобие цирковых ристаний, то место, где он положен; при этом они в погребальных песнопениях... поминали его подвиги»);
- 3) сооружение кургана²;
- 4) *strava* («После того, как он был оплакан такими стенаниями, они справляют на его кургане “страву” (так называют это они сами)»);
- 5) связанный со «стравой» погребальный пир в честь умершего;
- 6) тайное захоронение умершего в нескольких гробах с вещами («...ночью, тайно труп предают земле, накрепко заключив его в [три] гроба – первый из золота, второй из серебра, третий из крепкого железа... Сюда же присоединяют оружие, добытое в битвах с врагами³, драгоценные фалеры, сияющие многоцветным блеском камней, и всякого рода украшения...»);
- 7) человеческие жертвоприношения («Для того же, чтобы предотвратить человеческое любопытство перед столь великими богатствами, они убили всех, кому поручено было это дело...») [1, с. 117-118].

² В данном случае смущает то, что в описании Иордана сначала соорудили курган и лишь после погребального пира захоронили тело Аттилы. Создается впечатление, что описание Иордана отличается произвольностью и непоследовательностью.

³ Если бы термин *strava* (*straba*) использовался в значении «куча трофейного оружия», как это отмечено в словарях латинского языка, то он был бы упомянут именно в этом фрагменте сочинения Иордана, а не в той части, которая предшествует описанию пиршества.

Аналогичная погребальная обрядность была зафиксирована и у древних тюрков – близкородственных гуннам творцов первого Тюркского каганата. Так, китайская династийная хроника «Тань-шу» о погребальном обряде тюрков-туго в начале VII в. сообщает следующие подробности:

- 1) подготовка к погребению умершего («Тело покойника полагают в палатке»);
- 2) жертвоприношение животных («Сыновья, внуки и родственники обоего пола закалывают лошадей и овец и, разложив перед палаткою, приносят в жертву»);
- 3) прощание с умершим родственников («...семь раз объезжают вокруг палатки на верховых лошадях...»);
- 4) оплакивание умершего, которое сопровождалось самоистязанием соплеменников умершего («...потом пред входом в палатку ножом надрезают себе лицо и производят плач; кровь и слезы совокупно льются. Таким образом поступают семь раз и оканчивают»);
- 5) кремация умершего («Потом в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают; собирают пепел и зарывают в определенное время года в могилу»);
- 6) захоронение праха умершего в определенное время года («Умершего осенью или зимой хоронят, когда лист на деревьях и растениях начнет желтеть или опадать; умершего весной или летом хоронят, когда цветы начинают развертываться...»);
- 7) жертвоприношения в день смерти и во время похорон («В день похорон, так же, как и в день кончины, родные предлагают жертву, скачут на лошадях и надрезают лицо. В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойника и описание сражений, в которых он находился в продолжение жизни. Обыкновенно, если он убил одного человека, то ставят один камень. У иных число таких камней простирается до ста и даже до тысячи. По принесении овец и лошадей в жертву до единой вывешивают их головы на вехах») [17, с. 230].

В данном случае бросается в глаза то, что восточные тюрки вместо захоронения по обряду ингумации практиковали кремацию, что предполагало поэтапность в захоронении умершего. Кроме того, по сравнению с гуннским обрядом, у восточных тюрков последовательность погребальных действий несколько иная. И следует обратить внимание на то, что в описании не упомянуты человеческие жертвоприношения, как при погребении гуннского вождя. Это можно объяснить тем, что китайская хроника дала описание похорон не кагана тюрков, а рядового кочевника, но из главного племени тюрков. Описание завершающей стадии погребения правителя западных тюрков позволяет говорить о человеческих жертвоприношениях.

Для нас большой интерес представляет информация Менандра, согласно которой византийский посол Валентин, прибыв в ставку ябгу западных

тюрк в 576 г., узнал о смерти их правителя Дилзивула. Навстречу вышел его сын Турксанф и приказал византийцам, согласно существующей среди тюрк традиции, исцарапать ножом свои лица. Те выполнили его приказ. Далее Менандр сообщает, что в один из дней траура к Турксанфу привели четверых пленных «Унов» (гуннов – О.Б.) для принесения в жертву с конями в честь его отца. Турксанф повелел пленным перейти в Потусторонний мир, чтобы передать его отцу весть от тех, кто остался в живых [18, с. 421-422]. Получается, что у Менандра речь идет не о днях смерти и сожжения, а о периоде захоронения останков правителя западных тюрк, что могло иметь место и через несколько месяцев после его смерти и кремации.

Не меньший интерес для нас могут представлять погребальные традиции дагестанских гуннов в VII в., описание которых содержится в сочинении армяноязычного автора Мовсеса Каланкатуаци «История Албании», который отметил такую последовательность ритуальных действий в погребении умершего «гунна»:

- 1) прощание с умершим, которое сопровождалось самоистязанием соплеменников («Трубили [в трубы] и били в барабаны над трупами, ножом или палашом делали кровоточащие надрезы на своих щеках, на руках и ногах»);
- 2) состязания в честь умершего («То было адское зрелище, когда совершенно нагие мужчины – муж за мужем и отряд за отрядом – бились мечами на ристалище у могил. Многочисленные толпы людей состязались друг с другом, а после предавались разврату и скакали на лошадях то в ту, то в другую сторону»);
- 3) оплакивание умершего («Кто плакал и рыдал, а кто забавлялся по дьявольскому обычаю своему. Они забавлялись, резвились, пускались в пляски и предавались скверным поступкам») [19, с. 124].

Таким образом, сравнительный анализ погребальных традиций паннонских гуннов с родственными им группами Центральной Азии и Дагестана позволил выявить общие черты в погребальной обрядности, но в несколько иной последовательности: оплакивание умершего, прощание с покойником, захоронение умершего, человеческие жертвоприношения и т.п. В данном случае бросается в глаза то, что в описании погребения Аттилы отсутствуют такие элементы погребального обряда, как состязания в честь умершего и жертвоприношение животных. Однако вместо этого в описании Иордана присутствует термин *strava*. Следует отметить, что многие этнографы склонны рассматривать спортивные состязания на похоронах у кочевников как традицию замещения принесения в жертву людей и животных, что обуславливалось практическими соображениями. Так как человеческие жертвоприношения в описании Иордана присутствуют, то логичней считать, что термин *strava* должен был означать жертвоприношение животных, за которым следовал непосредственно пир в честь умершего, для обозначения которого Иордан использовал термин *commessatione*.

Однако истоки термина **strava** остаются неясными, если исходить из того, что у Иордана дана искаженная форма слова, и это при том, что данный термин явно неалтайского происхождения. В связи с этим имеет смысл обратить внимание на наблюдение Л.А. Гиндина и Ф.В. Шелова-Коведяева, согласно которому обряд погребения Аттилы напоминает «описание погребения скифского царя» у Геродота [12, с. 168].

Геродот оставил нам довольно детальное описание похорон скифских царей и других скифов в Четвертой книге своей «Истории греко-персидских войн». Поэтому имеет смысл определить основные элементы погребальной церемонии у царских скифов:

- 1) подготовка могилы к погребению и бальзамирование тела умершего;
- 2) транспортировка тела умершего на земли подвластных племен, сопровождаемая самоистязанием подданных в знак скорби;
- 3) богатое погребение царя в могильном склепе с дорогими вещами и жертвоприношениями людей и животных;
- 4) сооружение кургана;
- 5) по истечении года пышная тризна, сопровождаемая жертвоприношениями людей и животных (коней);
- 6) после похорон ритуальное очищение в специальной паровой бане [20, кн. IV, §§ 71-73].

Весьма характерно, что осетины, в которых видят потомков ираноязычных аланов, еще в XIX в. продолжали придерживаться аналогичных погребальных традиций. Осетинская погребально-поминальная обрядность в свое время стала объектом исследований В.Ф. Миллера, Ж. Дюмезиля, Б.А. Калоева и других исследователей. Данные этнографии свидетельствуют о том, что осетинскому погребальному обряду были присущи следующие черты:

- 1) о смерти родственников извещал специальный «печальный вестник»;
- 2) во время оплакивания имело место самоистязание родственников умершего;
- 3) родственники покойника по родительской линии трижды обходили вокруг покойника на коленях;
- 4) покойника одевали в наилучшую одежду и клали в могилу оружие и бытовые вещи;
- 5) обряд посвящения коня покойнику;
- 6) одновременно с посвящением коня вдова отрезала косу и клала ее в могилу;
- 7) во время похорон и поминок, через год устраивали в честь покойника конные состязания – **дугъ**, где конь-победитель посвящался покойнику;
- 8) покойника везли на кладбище не только на телеге, но и на санях, несмотря на время года;
- 9) по завершению похорон на могиле разжигали костер;

10) поминки устраивали по завершению похорон и на протяжении года – 12 больших и маленьких поминок.

По наблюдениям исследователей, осетинский погребальный обряд сохранил многие традиции погребальной обрядности древних кочевников, уходящие корнями в скифо-сарматскую эпоху, и поэтому может в значительной степени дополнять отрывочные сведения письменных источников. При этом было отмечено, что конные состязания в честь умершего, обряд посвящения коня умершему и отрезание косы у вдовы из практических соображений были призваны заменить жертвоприношения животных и людей [21; 22, с. 72-105; 23, с. 188-198]. Таким образом, осетинский материал демонстрирует не только сходство погребальных традиций с гуннскими, но и со скифскими. А это означает, что прообразом для кочевников времен поздней античности стали погребальные традиции номадов скифского времени.

В результате можно предполагать, что предки гуннов, еще находясь в Центральной Азии, могли испытать значительное влияние со стороны ираноязычных племен в таких консервативных традициях, как погребальные. Результаты археологических раскопок подтверждают это предположение.

В связи с этим следует вспомнить, что в Туве М.П. Грязновым был исследован курган Аржан. Это была гробница царя с элементами погребального обряда, который был похож на скифский, описанный Геродотом: захоронения царя и «царицы» были расположены в центре; вокруг них были обнаружены погребения семи старцев и одного юноши с шестью конями; по краям этой большой могилы были похоронены почти 160 коней и т.п. Вещи из этих захоронений имели определенное сходство с инвентарем из скифских курганов в Северном Причерноморье. Несмотря на это, М.П. Грязнов датировал курган Аржан VIII-VII вв. до н. э. В результате исследователь высказал предположение, что, начиная с VII в. до н.э., общая скифо-сибирская культура начала формироваться на территории от степей Центральной Азии до земель Северного Причерноморья [24, с. 45-59]. Однако Л.Р. Кизласов датировал курган Аржан VII-VI вв. до н. э. Он склонен связывать этот погребальный памятник с ираноязычными пришельцами с Запада – саками. В результате исследователь пришел к выводу, что население Тувы уже в ранний скифский период было смешанным [25, с. 35-41].

Ситуация же с Пазырыкскими курганами может свидетельствовать о возможном симбиозе традиций индоевропейского и алтайского населения на Алтае. Благодаря вечной мерзлоте погребальная церемония была реконструирована в деталях. В результате удалось установить, что погребальные традиции на Пазырыкских и скифских курганах имели много общего. При этом очень многое из этих погребений на Алтае хорошо соотносится как с описанием Геродота, так и с данными Иордана о гуннах и китайских авторов о древних тюрках: до начала захоронения тела умерших подвергались бальзамированию,

как у царских скифов; под курганными насыпями были похоронены, как и в случае с царскими скифами, лишь цари и представители знати; погребения осуществлялись только в определенный период года (весной или осенью), как это было у ранних тюрков; ориентированы погребенные были головой на восток, а лицом на запад; все мускулы были удалены с тела покойника, возможно, с целью их ритуального поедания, что практиковалось у геродотовых массагетов и исседонов; оружие, другие вещи, пища и убитые кони были положены в могилу, что можно наблюдать у геродотовых скифов и ранних тюрков; над могилой строили большой курган, как это делали геродотовы скифы и древние тюрки; после похорон совершалось ритуальное очищение, которое наблюдаем у геродотовых скифов; богатые похороны и поминки на месте погребения, как это делали геродотовы скифы и гунны. Исследователь памятника С.И. Руденко датировал Пазырыкские курганы Алтая V-IV вв. до н. э. И, что важно, он отметил смешанный антропологический тип древних жителей Алтая – там были погребены как европеоиды, так и монголоиды. На основании этих наблюдений исследователь сделал следующий вывод: «у многочисленных племен, которые различались по своему происхождению и языку и которые были расселены в эту эпоху на пространствах восточноевропейских и азиатских степей и предгорий, при наличии одного и того же занятия – пасторального и кочевого скотоводства, вследствие взаимных связей, и общественный порядок, и идеология во многом были близки, но с различными своеобразными местными особенностями». В результате эта уникальная культура не исчезла на Алтае и вошла как составная часть в культуру тюркоязычных народов, которая формировалась не только на Алтае, а и во всей Центральной Азии [26, с. 62-69, 326-361]. Следовательно, многие элементы скифского погребального обряда могли попасть к предкам гуннов еще в степях Центральной Азии задолго до нашей эры.

Сегодня многие исследователи придерживаются того мнения, что формирование гуннской конфедерации племен началось в Центральной Азии еще до нашей эры. По мере продвижения на Запад «хунны» взаимодействовали с кочевыми племенами иранского происхождения в Центральной Азии и Восточной Европе – саками, массагетами, аланами и т.п. Не исключено, что многие племена и роды ираноязычных номадов были включены в состав «хуннской» (гуннской) конфедерации. Это должно было предполагать интенсивность контактов, что могло отобразиться и на идеологии верхушки гуннского общества. Может быть поэтому погребальный обряд гуннов был подобен погребальным традициям не только ранних тюрков, но и скифов и других ираноязычных народов.

Следовательно, если гунны унаследовали от своих предшественников многие погребальные традиции, то вместе с ними они могли унаследовать и связанную с этим терминологию погребально-поминального характера. Как

уже было отмечено, ираноязычные народы при похоронах особо знатных лиц практиковали не только жертвоприношения людей, но и животных. Уже было акцентировано внимание на том, что Иордан, описывая похороны Аттилы, упомянул о человеческих жертвоприношениях, хотя у него нет прямого указания о принесении в жертву животных. Поэтому имеются основания предполагать, что для обозначения этого обряда Иордан мог использовать знакомый ему термин *strava*, вместо используемого гуннами близкого по форме и содержанию заимствования из других языков. В связи с этим особый интерес может представлять специальная терминология из современного осетинского языка, который имеет непосредственное отношение к языку аланов, находившихся в период поздней античности в интенсивных контактах с гуннами.

Так, В.И. Абаев в современном осетинском языке зафиксировал термин *st'aelyn* : *st'aeld*, который имеет следующие значения — «гибнуть», «пропадать», «околевать» и т.п. [27, с. 163]. Если исходить из того, что древнеиранское *-r-* в современных иранских языках имеет тенденцию переходить в *-l-*, то можно вполне согласиться с мнением В.И. Абаева, что данный термин происходит от древнего иранского **starya-*, который восходит к общеиндоевропейскому **star-*, **ster-* — «становиться неподвижным, мертвым», а также «засыхать, становиться бесплодным» [27, с. 163]. В качестве доказательства этой этимологии В.И. Абаев привел следующие параллели: «...перс. *satarvan* 'бесплодный', др. инд. *stari-* 'бесплодная корова', русск. *стерва* 'падаль', др. русск. *стърва* 'труп', русск. *стербнуть* 'делаться жестким', 'цепенеть', 'отмирать', нем. *sterben*, нидерл. *sterven* 'умирать', англ. *starve* 'умирать с голоду', 'околевать'; далее нем. *starr* 'неподвижный', 'оцепенелый', ст. слав. *starь* 'старый', лат. *sterilis*, гр. στείρος 'бесплодный', στέριφος 'твердый', 'бесплодный'...» [27, с. 163]. На основании этого В.И. Абаев сделал следующий вывод: «...ос. *st'aelyn* по семантике стоит ближе к некоторым славяно-германским фактам (значение 'умирать') и с этой стороны может быть причислено к скифо-европейским изгlossам» [27, с. 163-164]. Однако в данной ситуации следует обратить внимание на то, что во многих индоевропейских языках слова с подобной основой имеют множество других семантических значений.

Наибольший интерес представляет славянский материал. Это, прежде всего, касается славянского *стерва*, этимологию которого М. Фасмер вывел из индоевропейских языков в значении «падаль, труп». Исследователь также отметил, что некоторые филологи «считают исходным знач. 'разлагаться, гнить' и сближают с лтш. *stērdet* 'сохнуть, гнить'..., норв. диал. *stor* ср. р. 'гниение, тлен', *stora*, *storna* 'гнить, истлевать', лат. *stercus*, род. п. — *oris* ср. р. 'навоз, помет', авест. *star* - 'осквернять себя, грешить', др.-перс. *strav* - 'осквернять себя'...». При этом М. Фасмер отметил, что «невероятно сближение со **sterti* (см. *простереть*), лат. *sternō*, -re 'расстилать', др. инд. *stṛṇōti* 'усыпает'...», а также «необосновано предположение о заимствовании

из герм. – д-в-н. *sterbo...*» [28, с. 756-757]. Со своей стороны И.И. Срезневский в своем «Словаре древнерусского языка» слово *стърв–стерво* определил как «труп» и сравнил его с литовским *sterva* – «падаль» [29, с. 586]. Однако наиболее интересную этимологию русского *стерва* можно встретить у В.И. Даля.

В.И. Даль в «Толковом словаре живого великорусского языка» дает следующее объяснение слова: «*Стерва* ж. и *стерво* – труп околевшего животного, скота, падаль, мертвечина, дохлятина, упадь, дохлая, палая скотина». При этом им приведены производные слова: *стервятина* – «падалина, мертвечина, мясо палого животного»; *стервятник* – «медведь, питающийся падалью», а также «большой черный орел, могильник» и т.п. [30, с. 541-542]. Таким образом, изначально слово *стерва* в славянских языках должно было означать мертвое животное, прежде всего скот. При этом нет сомнений в том, что оно связано с древним индоевропейским **star-*, **ster-*. Не меньший интерес могут представлять и данные об индоиранских языках.

В данной ситуации обращает на себя внимание то, что древнеиндийское *stari-* имеет значение «бесплодная корова» [27, с. 163]. Подобную ситуацию мы можем наблюдать в близкородственных индоарийским иранских языках. В некоторых памирских языках, которые традиционно из всех иранских считаются наиболее изолированными, существуют близкие по форме и семантике слова. Так, в ваханском языке был зафиксирован термин *strin*, который означает «яловая, бесплодная (о скоте)» [31, с. 452]. А в мунджанском языке отмечено родственное слово *šínǰéya* – «яловая, нестельная корова», которое, по мнению И.М. Стеблин-Каменского, связано с древнеиранским **stanni-*, древнеиндийским *stari-*, шугнанским *sitir*, сарикольским *stir*, персидским *satarvan* («стерилизованная, бесплодная женщина») [32, с. 151; 33, с. 317-318]. Весьма характерно, что в других иранских языках родственные термины обозначают просто скот. Так, в осетинском языке для обозначения коровы или быка используют термин *stur* [27, с. 155]; в язгулямском языке мелкий рогатый скот обозначают словом *seter* [34, с. 240]; в бартангском для обозначения крупного рогатого скота используются термины *sitür*, *sutür* [35, с. 154-155]; в мунджанском языке для обозначения рогатого скота существует – *setür* [36, с. 357]; для обозначения крупного рогатого скота в шугнанском языке использовалось слово *situr* [37, с. 230]; в ягнобском мелкий рогатый скот обозначали терминами *sütur*, *s'tur*, *stur* [38, с. 324]. Исследователи единодушны во мнении, что прообразом всех этих слов была авестийская форма *staura*, служащая для обозначения скота [39, с. 319]. Однако так и непонятно, почему в некоторых современных иранских языках подобные термины используются для обозначения именно бесплодного, ялового скота?

Не исключено, что данные сравнительного индоевропейского языкознания помогут объяснить ситуацию. Особый интерес могут представлять

сведения о славянских языках, где обычно для обозначения бесплодного скота используют термин **яловая**. М. Фасмер дает объяснение этого термина в русском языке следующим образом: «**яловый, ялый** ‘бесплодный, необрабатываемый (о земле)’, *яловица* ‘нетелящаяся корова’...» [40, с. 554–555]. Однако наиболее интересное объяснение содержится в «Словаре» В.И. Даля: «**ЯЛОВЫЙ** скот, говорится только о самках, яловая, нестельная, несуюгняя, нежеребая, без приплоду, порозжая, праздная; не давшая еще приплоду. ... Яловка, яловица, яловая или сиб. ялая корова, юница, телица, молодая коровка, не приносившая еще теленка; трехлетка, нетель» [30]. При этом В.И. Даль слово **нетель** объясняет следующим образом: «молодая, нетелившаяся корова, яловка, яловица. яловая корова, нестельная на сей раз, гулевая, порозжая, праздная; яловка, нетель, еще ни разу не телившаяся. нетёл м. то же, но в знач. качества, состояния. за нетёл, по нетёлу, корова продана на убой» [30]. Следовательно, яловая, бесплодная корова считалась бесполезной и подлежала умерщвлению. В данной ситуации имеет резон считать, что древнеиранский термин **staura** изначально мог означать лишь животное, предназначенное для умерщвления, что со временем в большинстве случаев приобрело обозначение для всего скота. Следовательно, древнеиранский термин **staura** мог быть семантически и по форме связанным с индоевропейским ***star-**, потому что изначально означал убитых, умерщвленных животных. В данной ситуации возникает вопрос: не связано ли происхождение славянского **страва** с этими, казалось бы, противоположными по семантике древними терминами?

Имеет смысл рассмотреть изменение значений славянского **страва** во временном аспекте – от современности к более давним временам. Так, М. Фасмер дал следующее объяснение: «**страда** ‘пища, кушанье’, зап., *строва* – то же, севск (Преобр.), укр., блр. *страда*, др.-русс. *страда* (полоцк. Грам 1478 г.; см. Срезн. III, 530), чеш., словц. *strava*, польск. *strawa*, *potrawa*. Из ***st̥rava**, связанного с *трава*, *травить*...» [28, с. 770]. В.И. Даль аналогичным образом объяснил ситуацию, связанную с употреблением слова в XIX в.: «**страда** ж. польск, зап. пск, юж. орл. нврс. – пища, ежа, кушанье, яство, блюдо, особ. жидкие, похлебка, варево. Замечательно, что слово это, как и несколько других односложных, в иных акающих местностях (вор. Кур.) произносится *строва*» [30, с. 560]. Однако в средние века ситуация была несколько иной.

Так, И.И. Срезневский в своем «Словаре древнерусского языка» отметил следующие значения для слова «страда (или състрада?)» – «продовольствие, довольствие», «подать» [29, с. 530]. Как уже отмечалось, А.А. Котляревский указал на то, что слово **страда** было упомянуто «в памятниках старой чешской письменности и именно со значением погребальных поминок, пира по смерти» [7, с. 39]. Следовательно, в давние времена термином **страда** славяне могли обозначать все, что было связано с погребальным пиршеством, которое должно было начинаться с жертвоприношения животных.

Однако имеются основания считать, что у славян процесс принесения в жертву животных и поедания этих животных обозначался термином, более близким к древнему индоевропейскому **star-*, чем к *strava*. К этим выводам приводит ситуация со словами «стербать, стербануть» и «стербнуть». М. Фасмер этимологию первых двух слов объясняет следующим образом: «**стербать**, стербануть ‘хлебать, опрокинуть (напр., водку)’». Согласно Преобр. (II, 276), связано с *сербать*. Неясно *-т-*» [28, с. 756]. И тут же М. Фасмер дает этимологию близкого термина **стербнуть**: «‘делаться жестким, цепенеть, отмирать’, укр. *остербати*, *остербнути* ‘выздороветь, оцепенеть, затечь’, др.-русск. *усторобити ся* ‘выздороветь’, *устребе* 3 л. ед. ч. аор. ḡbrŭvŋŋ, ст.-слав. **страбити**, **оустрабити** ‘выздороветь’ (Euch. Sin., Супр.), цслав. *стръбль*, *стръбъкъ* ‘здоровый, крепкий’, *устраба* ‘выздоровление’, сербохорв. *острабиту* ‘вылечить’... Праслав. **stǫrb-*: **storb-*, связанные отношением старого отношения гласных, родственны д.-в.н. *stǣrban* ‘умирать’, собственно ‘делаться неподвижным’...» [28, с. 756].

В итоге следует отметить, что в одних славянских языках глагол с основой **стерб-** обозначал смерть, а в других – выздоровление. В данном случае можно наблюдать характерное для индоевропейских языков явление, когда одни и те же термины в родственных языках могут иметь совершенно противоположные семантические значения (напр. русск. *уродливая* – укр. *вродлива* и т.п.). В итоге на примере употребления **стербать**, **стербануть** и **стербнуть** мы видим, что в славянских языках практически идентичные по форме термины обозначают два, казалось бы, не связанные между собой явления – пищу и смерть. Это наводит на мысль, что в основе их было слово, которое использовалось для обозначения прообраза этих понятий – «жертвоприношение животного, жертвенная пища». Следовательно, исконным термином у славян для обозначения жертвоприношения и тризны был **sterba*. Однако на примере праславянского **storb* и старославянского *сmpабуми* можно предполагать, что в древнеславянском языке могли иметь место перестановка и чередование гласных. А это может означать, что слово *strava* с аналогичным значением могло представлять собой не заимствование из иных языков индоевропейского происхождения, а результат трансформации древнеславянского **стерба* в *сmpава* [28, с. 756]. Однако в данной ситуации смущает то, что в славянских языках термин *сmpава* находится в обособленном положении, в то время как там получили широкое распространение термины, восходящие к индоевропейскому **sterv-* – *стерва*, *стервятина*, *стервятник*, *стербать*, *стербануть*, *стербнуть* и т.п. Это можно объяснить лишь тем, что термин *сmpава* у славян представлял заимствование из других индоевропейских языков, весьма отличных от германских. Этими соседями для славян могли являться, в первую очередь, племена ираноязычных кочевников юга Восточной Европы. Поэтому необходимо выяснить,

происходили ли аналогичные процессы в иранских языках, вне зависимости от славянских.

Как уже отмечалось, во многих современных иранских языках существует обозначение для скота, восходящее к авестийскому *staura* [39, с. 319]. В то же время существование в персидском термина *satarvan* – «бесплодный» позволяет считать, что в ряде иранских языков для обозначения бесплодного скота мог сохраняться более древний термин **starva*. Однако в иранских языках **starva*, в отличие от славянских, не трансформировалось в обозначение пищи, а продолжало длительное время служить для обозначения бесплодного, т.е. предназначенного для умерщвления животного. Поэтому небезынтересно знать, мог ли в одной из групп кочевых иранских племен термин **starva* трансформироваться в **strava*? Это предполагает собой возможную для иранских языков перестановку гласных. В качестве свидетельства возможности этого необходимо отметить древнеперсидское *strav-* – «осквернять себя» (прикасаться к мертвому – О.Б.) [28, с. 756-757], а также ваханское обозначение для бесплодного скота *strin* [31, с. 452], где, в отличие от древнеиранского *staura*, гласный стоит после *-r-*. Таким образом, не исключена возможность, что славянская *cmpasa* произошла от древнеиранского **starva*. В данном случае нельзя отрицать того, что предки гуннов могли заимствовать в степи от древних иранцев один из вариантов для обозначения жертвенных животных – **starva* или **strava*. В этом случае в языке гуннов, который традиционно относят к алтайским, он приобрел бы вид **istarva* / **istrava*. Неизвестно, в каком варианте название данного элемента погребального обряда гуннов попало в несохранившийся текст сочинения Приска, который использовал Иордан. Следовательно, до нас термин *strava* дошел в интерпретации самого Иордана.

Обычно исследователи обращают внимание на готское происхождение Иордана и на основании этого строят свои предположения. Однако Е.Ч. Скржинская была склонна считать, что Иордан имел родственные связи с аланами. В качестве доказательства этого она привела следующие аргументы: «В кратких словах (§ 266) Иордан очертил свой род и сообщил о “фамильной”, так сказать, профессии: его дед и он сам были нотариями. Имя отца Иордана скрыто в явно испорченном переписчиками длинном слове Alanoviiamuthis (в разночтениях Alaniuuamuthis, Alanouuamochthis). Наиболее убедительной представляется такая осмысливающая это нелепое слово поправка: “Cuius Candacis, Alan [orum ducis], Viiamuthis, patris mei, genitor Paria, id est meus avus, notarius... fuit”. Если допустимо такое расчленение слова “Alanoviiamuthis”, то, следовательно, отец Иордана носил готское имя Вийамутис или Вийамут (Viiamuthis — Veihamôts у И. Фридриха или Wiljamops у Ф.А. Брауна). В автобиографической справке в § 266 Иордан как бы старается дать уточняющее пояснение: он повторяет, что Кандак, которому служил его дед, и есть тот

самый Кандак, который был вождем аланов, и что его, Иордана, дед, по имени Пария, и есть, естественно, родитель его отца Вийамута. Надо думать, что Пария состоял нотарием при аланском вожде Кандаке долгое время, во всяком случае до смерти последнего. По стопам деда пошел и внук. Он был нотарием у крупного военачальника Гунтигиса Базы, который приходился племянником Кандаку по матери. По отцу Гунтигис База был готом из знатнейшего рода Амалов. Иордан указывает имена двух Амалов: отца Гунтигиса звали Андагом (Andagis, Andag), деда – Анделой (Andela)» [41, с. 14-15]. Это и дает основания считать, что Иордан мог знать язык аланов. Таким образом, Иордан должен был узнать в тексте Приска знакомый ему термин, но в искаженном виде. В результате Иордан зафиксировал во фрагменте своего сочинения слово, которое соответствовало языку аланов начала VI в. – *strava*. Именно так аланы должны были называть обряд, непосредственно связанный с началом поминальной тризны. Наличие такого же термина среди славян лишь один раз может свидетельствовать в пользу того, что в значениях «принесенное в жертву животное, жертвенная пища» он к ним мог попасть от ираноязычных соседей – аланов в эпоху Великого переселения народов. А это не исключает того, что термин *strava* попал в словари латинского языка именно благодаря сочинению Иордана, где получил не совсем убедительное объяснение со стороны составителей словарей.

Скептики в качестве контраргумента могут указать на возможность заимствования термина иранскими племенами от славян. Однако у славян он обозначал как пищу, так и поминальную тризну, тогда как у иранцев он служил лишь для обозначения бесплодного скота, т.е. предназначенного для принесения в жертву. К тому же подобные термины для обозначения скота получили распространение у ираноязычных народов далеко от границ славянского мира. Как уже отмечалось, вполне очевидно, что гунны унаследовали от своих ираноязычных предшественников в степи многие элементы погребального обряда, что предполагало заимствование и специальной терминологии. Трудно представить, чтобы погребальный обряд славян и связанная с ним терминология могли оказать значительное воздействие на пришедших из Центральной Азии завоевателей-гуннов. Данные этнографии свидетельствуют о том, что погребальные традиции многих тюркоязычных народов степей Центральной Азии до сих пор сохраняют традиции древних кочевников и находят также определенные соответствия в традициях осетин – потомков кавказских аланов.

Так, у казахов, киргизов и других скотоводческих народов Центральной Азии особое внимание уделялось конным состязаниям в честь умершего и принесению в жертву животного на поминках, что имело непосредственную связь с поминальной тризной. При этом на поминках особое внимание уделялось жертвенному животному, тело которого во время поминальной тризны было распределено следующим образом: голову животного ставили перед

наиболее почетными лицами; ребра, кусочек печени, шеи – табунщику; ноги и почки – мальчикам [42, с. 65-66]. Таким образом, у кочевников обряд принесения в жертву животных в честь умершего и поминальная тризна были взаимосвязаны, т.е. практически представляли одну общую церемонию.

В итоге необходимо отметить, что ни готская, ни славянская гипотезы не могут объяснить того, когда и как термин «страва» мог появиться у гуннов. В данной ситуации весьма удивляет то, что до сих пор исследователи практически игнорировали возможность как алтайского (тюрко-монгольского), так и иранского происхождения термина. В результате проведенного исследования удалось прийти к выводу об иранских истоках термина *сmpasa*, бытовавшего как среди гуннов, так и среди славян. В общих чертах ситуация выглядит следующим образом.

У древнейших индоевропейцев мог существовать термин **star-*, **ster-*, который, помимо семантических значений, «станет неподвижным, мертвым», мог также означать «быть убитым, умерщвленным». Производным от него, соответственно, мог стать термин **starva* / **starba* в значениях «жертва, убитое животное и т.п.». Весьма характерно, что вплоть до недавнего времени германские, балтийские и славянские языки сохраняли производные от этих древних слов практически с первоначальными семантическими значениями. Однако в момент отделения индо-иранских скотоводческих племен от общего массива индоевропейцев развитие терминов данного типа пошло в двух направлениях. У индоиранцев в период их общности термины, производные от **star-*, несколько изменили свои семантические значения. Если изначально их использовали для обозначения принесенных в жертву животных (крупный и мелкий рогатый скот), то очень скоро они стали обозначать бесплодный, т.е. бесполезный скот, который подлежал умерщвлению. В период отдельного существования иранской общности термины, производные от **star-*, **starv-*, у одних ираноязычных народов продолжали использоваться для обозначения бесплодного скота или просто в значении «бесплодный», у других – они трансформировались в обозначение для всего скота. Существующие аналогии позволяют считать, что у ираноязычных кочевников Евразийской степи подобные термины долгое время сохраняли семантические значения «бесплодный скот», «жертвенные животные», «жертвоприношения животных». Данные иранского языкознания свидетельствуют в пользу того, что в одной из групп кочевых иранских племен термин **starva* мог трансформироваться в **strava*. От этих ираноязычных кочевников он мог и попасть к предкам гуннов вместе со многими элементами погребального обряда. Однако определить, когда и где это могло иметь место, не представляется возможным. В языке гуннов, который традиционно относят к алтайским, он мог трансформироваться либо в **istarva*, либо в **istrava*. Судя по содержанию сообщения Иордана, так гунны могли обозначать жертвоприношение животных, что было

непосредственно связано с поминальной тризной. Иордан в своем сочинении «Гетика» отметил, что сведения о гуннах он заимствовал из несохранившихся фрагментов сочинения Приска. Следовательно, до нас термин **strava** дошел в интерпретации самого Иордана. Исходя из того, что Иордан имел родственные связи не только с готами, но и с аланами, логично считать, что он знал, кроме других языков, и аланский язык. В результате Иордан зафиксировал во фрагменте своего сочинения слово в соответствии нормам языка аланов начала VI в. – **strava**. Наличие именно такого же термина среди славян лишней раз может свидетельствовать в пользу того, что именно в такой форме и в значении «жертвенная пища, умерщвленное животное» он к ним мог попасть от ираноязычных соседей – аланов в эпоху Великого переселения народов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер. с лат. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.
2. Grimm Jac. Über Jordandes und die Geten // Kleinere Schriften. Berlin, 1866. III.
3. Jordanis. Getica / Ed. Th. Mommsen. Berlin, 1885.
4. Schwartz E. Germanische Stammeskunde. Heidelberg, 1956.
5. Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Leiden, 1939.
6. Шафарик П. Славянские древности. М., 1837. Т. 1. Кн. 2.
7. Котляревский А.А. О погребальных обычаях языческих славян. М., 1868.
8. Скржинская Е.Ч. Комментарий // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960.
9. Кобычев В.П. В поисках прародины славян. М., 1973.
10. Сотиров Г. Странности ономастики и лексики раннеготского языка // <http://artifact.org.ru/proverka-na-mestnosti/sotirov-g-strannosti-onomastiki-i-leksiki-rannegotskogo-yazika.html>
11. Гиндин Л.А. Обряд погребения Аттилы и «тризна» Ольги по Игорю // Балто-славянские этнокультурные и археологические древности: погребальный обряд. Тез. науч. конф. М., 1986.
12. Гиндин Л.А., Шелов-Коведяев Ф.В. Strava // Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т. I.
13. Топоров В.Н. Qium Иордана (Getica 27-28) и готско-славянские связи в Северо-Западном Причерноморье // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
14. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. Изд. 2-е. М., 1976.
15. Arnim V. Bemerkungen zum Hunnischen // Zeitschrift für Slawische Philologie. Heidelberg, 1936. Bd. 13.
16. Древнетюркский словарь. Л., 1969.
17. Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. I.
18. Менандр. Продолжение истории Агафиевой // Византийские историки / Пер. с греч. С. Дестуниса. СПб., 1860.
19. Мовсес Калакатуаци. История страны Алуанк / Пер. Ш.В. Смбатяна. Ереван, 1984.
20. Геродот. История в девяти книгах / Пер. Г.А. Стратановского. Л., 1972.
21. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. М., 1882. Т. II.
22. Калоев Б.А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII – начале XIX вв. // Кавказский этнографический сборник. М., 1984. Т. VIII.
23. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. М., 1990.

24. Грязнов М.П. Аржан: царский курган раннескифского времени. Л., 1980.
25. Кызласов Л.П. Древняя Тува. М., 1979.
26. Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
27. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. III.
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. III.
29. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 3. Ч. 1.
30. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Современное написание. В 4-х т. М., 2003. Т. 4.
31. Грюнберг А.Л., Стеблин-Каменский И.М. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык. М., 1976.
32. Стеблин-Каменский И.М. Рецензия на: Грюнберг А.Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык (тексты, словарь, грамматический очерк). Л.: ЛО изд-ва "Наука", 1972 // Вопросы языкознания. 1974. № 3.
33. Стеблин-Каменский И.М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
34. Эдельман Д.И. Язгулямско-русский словарь. М., 1971.
35. Соколова В.С. Бартангские тексты и словарь. М., 1960.
36. Грюнберг А.Л. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык (тексты, словарь, грамматический очерк). Л., 1972 .
37. Зарубин И.И. Шугнанские тексты и словарь. М.; Л., 1960.
38. Андреев М.С., Пещерева Е.М. Ягнобские тексты. М.; Л., 1957.
39. Соколов С.Н. Язык Авесты. Л., 1964.
40. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1987. Т. IV.
41. Скржинская Е.Ч. Иордан и его «Getica» // Иордан. О происхождении и деяниях гетов / Пер. с лат. Е.Ч. Скржинской. М., 1960.
42. Калоев Б.А. Этнографические данные о связях этногенеза осетин со Средней Азией // Калоев Б.А. Осетинские историко-этнографические этюды. М., 1999.

Бубенок О.Б.

Термин *strava* в «Гетике» Иордана (к вопросу о семантике и происхождении слова)

Резюме

Уже довольно длительное время среди исследователей текста сочинения Иордана «О происхождении и деяниях гетов» (*Getica*) вызывает большой интерес пассаж, содержащийся в описании похорон гуннского вождя Аттилы. Там Иордан упомянул термин ***strava***, который служил для обозначения обряда, имеющего непосредственное отношение к поминальной тризне. Именно неопределенные данные об употреблении слова ***strava*** уже давно породили немало гипотез о происхождении термина, наиболее популярными из которых стали готская и славянская. Однако ни одна из них не может объяснить, когда и как термин «страва» мог появиться у гуннов и что он обозначал.

В результате сравнительного анализа погребальных обычаев гуннов и родственных им народов (древних тюрок, дагестанских гуннов) удалось прийти к выводу, что термин ***strava*** в сочинении Иордана соответствовал обряду жертвоприношения животных, что находилось в непосредственной связи с поминальной тризной. Кроме того, погребальные традиции гуннов Иордана во многом повторяли погребальную церемо-

нию царських скифів, описану Геродотом. Результати археологічних розкопок, проведені на пам'ятниках скифо-сарматського часу в Центральній Азії, дозволяють вважати, що предки гуннів, ще перебуваючи в Центральній Азії, могли зазнавати значного впливу з боку іраномовних племен в таких дуже консервативних традиціях, як поховальні. А це передбачало і заимствование відповідної термінології ідеологічного характеру. Дані іранського мовознавства дозволяють вважати, що у іраномовних кочовиків Євразійської стеги існували терміни типу **strava*, які мали семантичні значення – «стерильний скот», «мертві тварини» і т.п. Отже, від іраномовних кочовиків один з них міг потрапити до предків гуннів і трансформуватися в іншу форму. Однак визначити, коли і де це могло мати місце, не представляється можливим. Немає сумнівів в тому, що до Йордана даний термін дійшов з перетвореннями. Так як Йордан мав безпосереднє відношення до аланів, то він міг зафіксувати в своєму творі даний термін в формі, відповідній терміну з мови аланів початку VI в. – *strava*. Наявність саме такого ж слова серед славян лишній раз може свідчити лише на користь одного і того ж джерела заимствования – іраномовні народи Євразійської стеги.

Бубенок О.Б.

Термін *strava* у «Гетичі» Йордана (до питання про семантику і походження слова)

Резюме

Уже досить тривалий час для дослідників тексту твору Йордана «Про походження і діяння гетів» (*Getica*) становить великий інтерес пасаж, що міститься в описі поховання гуннського вождя Аттіли. Там Йордан згадав термін *strava*, що використовувався для позначення обряду, який мав безпосереднє відношення до поминальної тризни. Саме невизначені дані про вживання слова *strava* вже давно породили чимало гіпотез про походження терміну, найбільш популярними з яких стали готська і слов'янська. Однак жодна з них не може пояснити, коли і як термін «страва» міг з'явитися в гуннів і що він позначав.

За результатом порівняльного аналізу поховальних обрядів гуннів і споріднених з ними народів (давніх тюрків, дагестанських гуннів) вдалося дійти висновку, що термін *strava* у творі Йордана відповідав обряду жертвоприношення тварин, який знаходився в безпосередньому зв'язку з поминальною тризною. Крім того, поховальні традиції гуннів Йордана багато в чому повторювали поховальну церемонію царських скифів, яку описав Геродот. Результати археологічних розкопок, які були проведені на пам'ятниках скифо-сарматського часу в Центральній Азії, дозволяють вважати, що предки гуннів, ще перебуваючи у Центральній Азії, могли зазнати значного впливу з боку іраномовних племен у таких дуже консервативних традиціях, як поховальні. А це припускало і запозичення відповідної термінології ідеологічного характеру. Дані іранського мовознавства дозволяють вважати, що в іраномовних кочовиків Євразійської стеги існували терміни типу **strava*, які мали семантичні значення – «стерильна худоба», «вбиті тварини», тощо. Отже, від іраномовних кочовиків один з них міг потрапити до предків

гнів і трансформуватися в іншу форму. Однак визначити, коли і де це могло статися, не є можливим. Немає сумнівів у тому, що до Йордана даний термін дійшов у викривленому вигляді. Зважаючи на те, що Йордан мав безпосереднє відношення до аланів, є підстави вважати, що він міг зафіксувати у своєму творі дане слово у формі, що відповідала терміну з мови аланів початку VI ст. – **strava**. Наявність саме такого ж слова серед слов'ян зайвий раз може свідчити на користь того ж самого джерела запозичення – іраномовні народи Євразійського степу.

Bubenok O. B.

**Term *strava* in “Getica” by Jordan
(on the problem of semantics and the origin of the word)**

Summary

For rather a long time researchers of the text from Jordan's work “On the origin and activities of Getica” have been interested in the way the funeral of the Huns' leader Attila was described. There Iordannis mentioned the term **strava**, which marked a part of ceremony before the funeral feast. Unfortunately, the data on the semantics of this word are not determined. Therefore, there were many hypotheses, among them Slavic and Gothian were the most popular. However, none of them can explain when and how the term **strava** appeared among the Huns and what it meant?

According to the comparative analysis of funeral customs of the Huns and kindred peoples (Ancient Turks and Dagestani Huns) we came to the conclusion that the term **strava** in “Getica” by Iordannis corresponded to the rite of sacrificing animals before the funeral feast. Besides, the funeral traditions of Iordannis' Huns and Herodotus' Scythians were similar. According to the data of archeological excavations on the monuments of Scythian-Sarmatian period in the Central Asia, enable us to think that ancestors of the Huns could have been influenced from Iranophone tribes in such very conservative traditions as funeral. As a result they could borrow and adopt special terms of ideological character. The data of Iranian languages studies evidence about the spreading the term like **strava** meaning “sterile cattle”, “killed animal” among the Iranophone Nomads of the Eurasian steppe. Thus, one of them could be spread to the ancestors of the Huns and, as a result, could be transformed into another form. However, it is impossible to determine when and where it took place. Undoubtedly, Iordannis received this term already transformed. Iordannis had direct relations with the Alans and, therefore, he could fix it in his work according to the norms of the Alanian language of the beginning of the 6th century AD – **strava**. This word had also spread among the Slavs and, therefore, we can testify to the fact that the Slaves could adopt it from Iranophone Nomads as well.